

Jules
VERNE
1828 – 1905

ЖЮЛЬ
ВЕРН

*Таинственный
остров*

Роман

Санкт-Петербург

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44
В 35

Перевод с французского Марко Вовчок
Серийное оформление Вадима Пожидаева
Оформление обложки Валерия Гореликова
Иллюстрация на обложке Антона Ломаева

ISBN 978-5-389-06804-9

© А. Ломаев, иллюстрация на обложке, 2018
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2013
Издательство АЗБУКА®

Часть первая
ПОТЕРПЕВШИЕ КРУШЕНИЕ В ВОЗДУХЕ

I
НАД ПУЧИНОЙ

— Что, мы поднимаемся?
— Нет! Опускаемся!
— Хуже, чем опускаемся, господин Сайрес! Мы просто падаем!

— Ради Христа, кидайте балласт!
— Вот только что избавились от последнего мешка!

— Поднялся ли шар?
— Нет!
— Я уже слышу клокотание волн!
— Под нами море!
— Шар в пятистах футах от воды!¹

В эту минуту раздался громкий и властный голос:

— Бросайте все!.. Пускай все пропадает! Лишь бы мы остались целы!

Все эти возгласы раздавались в воздухе, над безбрежной пустыней вод Тихого океана около четырех часов вечера 23 марта 1865 года.

Всем, вероятно, еще памятен страшный северо-восточный ураган, который случился в том году. Этот

¹ *Фут* — английская и старая русская мера длины, равная 30,48 см.

ураган свирепствовал без перерыва с 18 по 26 марта. Он произвел невероятное количество опустошений в Америке, Европе, Азии, захватив полосу земного шара шириной в четыре с половиной тысячи миль¹ — все пространство между тридцать пятой параллелью северной широты и сороковой — южной.

Опрокинутые дома, изуродованные города, вывороченные с корнем леса, вышедшие из берегов и наводнившиеся, словно во время сильного прилива, реки, выкинутые на берег целыми сотнями корабли, смерчи, уничтожавшие все на своем пути, тысячи людей, задавленных на земле или погибших в бездне морских вод, — вот что оставил после себя этот ужаснейший ураган. Яростью и силой он превосходил даже те свирепые ураганы, какие разорили Гавану в 1810 году и Гваделупу в 1825-м.

В то время, когда на море и на суше происходили такие катастрофы, в бушующих слоях атмосферы разыгрывалась не менее ужасная драма.

Аэростат, подхваченный ураганом, летел со скоростью девяносто миль в час² и при этом еще быстро крутился, как колесо.

В подвешенной к шару корзине сидели пятеро пассажиров, едва заметных среди густого тумана, смешанного с мелкими брызгами воды, поднимавшимися с поверхности клокотавшего океана.

Откуда взялся этот аэростат, игрушка страшной бури? С какого места земного шара его сюда загнало?

Очевидно, он не мог отправиться в полет во время урагана. Тем более что ураган свирепствовал уже пять дней, а первые признаки его обнаружили уже 18 марта.

¹ Морская миля составляет приблизительно 1852 м.

² Сухопутная миля составляет приблизительно 1609 м.

Вероятнее всего, шар принесло очень издалека, потому что при таком свирепом урагане он должен был пролетать не менее двух тысяч миль в сутки.

Так или иначе, пассажиры аэростата при настоящих обстоятельствах не имели никакой возможности судить о расстоянии, которое они преодолели с момента вылета. Аэростат со страшной силой несло вперед, но пассажиры вовсе не чувствовали ни его вращения, ни даже движения. Взор их не мог проникнуть сквозь густой туман, скопившийся у них под ногами. Кругом господствовала такая тьма, что невозможно было даже определить, была ли ночь или день. Никакой луч света, ни малейший шум обитаемой земли не долетал до них в высокие слои атмосферы. Однако быстрое снижение аэростата напоминало им об угрожавшей опасности — исчезнуть в страшной пучине океана.

Шар, облегченный выкинутыми тяжелыми предметами, каковыми являлись запасы провизии, оружие и прочее, снова поднялся в верхние слои атмосферы, на высоту четырех с половиной тысяч футов. Пассажиры, понимая, что под ними море, а не твердая земля, и сознавая, что вверху опасность меньше, чем внизу, кидали не колеблясь даже самые необходимые вещи и только о том заботились, чтобы как-нибудь не выпустить газ — эту душу своего аппарата, который поддерживал их над бездонной пучиной вод.

Ночь прошла в ужасных тревогах, которые едва ли перенесли бы люди менее энергичные.

С наступлением рассвета ураган, казалось, начал понемногу утихать. Густые облака поднялись в верхние слои атмосферы, и несколько часов спустя ураган действительно затих.

Вместо него задул очень свежий ветер, так что скорость движения воздуха уменьшилась наполовину.

Ветер дул, как говорят моряки, «в три рифа», но это, разумеется, несколько не походило на полное спокойствие атмосферы.

Около одиннадцати утра верхние слои воздуха заметно прояснились. Казалось, ураган не пошел дальше, по направлению к западу. Он, так сказать, сам себя уничтожил.

Приблизительно к этому часу снова можно было заметить, что воздушный шар, безостановочно двигаясь вперед, в то же время тихо опускается вниз. Казалось даже, что он мало-помалу пустеет, что оболочка его, растягиваясь и удлиняясь, переходит постепенно из формы шара в яйцеобразную.

Около полудня аэростат находился на высоте всего двух тысяч футов над поверхностью моря. Он имел в объеме пятьдесят тысяч кубических футов и благодаря такой вместимости, очевидно, мог еще долго продержаться в воздухе.

В это время пассажиры выкинули свои последние вещи, всю провизию, даже все, что было в их карманах.

Один из пассажиров, взобравшись на кольцо, соединявшее веревочную сетку, старался покрепче привязать корзину, висевшую под аэростатом.

Было ясно, что пассажиры не могли заставить шар подняться, так как у них не хватало газа.

Они, значит, должны были неминуемо погибнуть! Под ними простиралась не земля, даже не остров. На всем пространстве не было видно ни единого клочка суши — ничего твердого, за что можно было бы ухватиться!

Кругом расстилалось беспредельное море, и его громадные волны бушевали с ужасной силой. Даже с той высоты, на которой держался теперь аэростат и с которой можно было обозревать пространство на сорок миль вокруг, потерпевшие крушение в воздухе

не могли разглядеть, где кончается этот безграничный океан. Он представлял обширную клокотавшую, ревевшую водную равнину, яростные перекаты громаднейших валов с белыми гребнями. Ни одного клочка земли! Ни одного корабля!

Надо было во что бы то ни стало задержать движение аэростата вниз — помешать ему опуститься над страшной пучиной океана.

Пассажиры маленькой корзины, очевидно, не могли ни минуты медлить.

Но все усилия были напрасны. Шар опускался все ниже и ниже, не переставая при этом двигаться с весьма большой скоростью по направлению ветра.

Положение отчаянное!

Несчастные уже не могли управлять аэростатом. Всякая попытка была бесполезна. Воздушный шар сжимался все больше и больше. Газ быстро вылетал через прорвавшуюся оболочку, и задержать его не было никакой возможности.

Падение заметно ускорялось, и в час дня маленькая корзина с пассажирами висела всего в шестистах футах над поверхностью океана.

Оставалось одно, что можно было сделать в данную минуту, — и это было сделано.

Пассажиры были людьми с большой энергией, умевшими смотреть в глаза любой опасности и даже смерти. Невзирая на всю безнадежность положения, ни один из них не жаловался.

Они решили бороться до последнего мгновения.

Корзина, привязанная к шару, представляла простой ящик, сплетенный из ивняка, и если бы аэростат спустился еще ниже, то не было опять-таки никакой возможности продержаться на поверхности воды.

В два часа аэростат висел почти в четырехстах футах от поверхности океана.

В это время раздался громкий голос, в котором не слышалось никакого страха. Ему ответили не менее энергично.

— Все ли выброшено?

— Остались только ваши десять тысяч франков золота, Сайрес!

— В воду!

Тяжелый мешок полетел в море...

— Поднимается ли шар?

— Очень мало... но сейчас опять начнет опускаться!

— Что еще можно выкинуть?

— Ничего!

— Как ничего? А наша корзина?

— В море корзину! Будем держаться за веревки.

Это было единственное и самое последнее средство облегчить аэростат.

Веревки обрезали, корзина полетела в воду, и аэростат снова поднялся на две тысячи футов.

Все пять пассажиров взобрались по веревкам к кольцу и, глядя в бездонную пропасть, висели в петлях сетки, охватывавшей аэростат.

Всякому известно, какой чувствительностью обладают воздушные шары. Достаточно бросить самую легкую вещь, чтобы произвести заметное перемещение по вертикальному направлению. Аппарат, плавающий в воздухе, похож в этом отношении на математические точные весы. Понятно, что после всякого значительного облегчения воздушный шар должен быстро подняться на большую высоту. То же произошло и в настоящем случае.

Но после минутного колебания в верхних слоях атмосферы аэростат снова начал опускаться. Газ вырывался через образовавшуюся дыру, которую зачистить было невозможно.

Несчастные сделали все, что могли сделать. Теперь в их распоряжении не оставалось уже решительно никаких средств.

В четыре часа шар снова опустился на пятьсот футов над поверхностью воды.

Раздался звонкий лай. Собака, сопровождавшая пассажиров, тоже уцепилась за петли сетки возле своего хозяина.

— Топ что-то увидал! — вскрикнул один из пассажиров.

Вслед за этим раздался сильный голос:

— Земля! Земля!

Действительно, довольно большой клочок земли показался на юго-западе.

Но этот клочок находился милях в тридцати под ветром; следовательно, чтобы до него добраться, нужно было еще пролететь некоторое время, и то при условии, что ветер понесет шар прямо по направлению видневшейся земли.

Ужасное положение!

Пассажиры уже ясно могли разглядеть землю, до которой надо было добраться во что бы то ни стало. Они не могли угадать, что это было: остров или какой-нибудь материк, так как несчастные не могли сообразить, к какой части света принес их свирепый ураган.

Но какова бы ни была эта земля, обитаемая или нет, гостеприимная или нет, во всяком случае надо было до нее добраться!

Скоро стало очевидно, что шар не может дольше держаться...

Уже гребни огромных валов несколько раз захватывали нижние края сетки, что, разумеется, еще больше увеличивало вес всего аппарата, и шар с трудом летел, словно птица, у которой в крыльях свинец.

Спустя полчаса земля была уже на расстоянии всего одной мили, но аэростат ослабел, вытянулся, покрылся множеством больших складок, и газ сохранился в нем только в самой верхушке. Пассажиры, уцепившиеся за сетку, были слишком тяжелы для обессиленного шара, и скоро они, наполовину погруженные в море, находились под ударами свирепых валов океана. Оболочка аэростата обратилась в мешок, и завывающий ветер погнал ее, точно парус.

Быть может, ее таким образом пригонит к берегу?

Земля была уже всего на расстоянии двух кабельтовых¹, когда у всех четырех пассажиров вырвались страшные крики и аэростат, который, казалось, уже не в силах был подняться, сделал внезапный скачок и, как бы мгновенно облегченный потерей значительной части своего веса, снова поднялся на высоту пятисот футов и там попал в струю воздушного течения, которое, вместо того чтобы нести шар прямо по направлению к берегу, потащило его почти по параллельному направлению. Спустя еще две минуты его пригнало ближе к берегу, и он уже окончательно упал на песчаное взморье.

Пассажиры, помогая друг другу, успели высвободиться из петель сетки, охватывавшей оболочку шара. Аэростат, освободившийся от груза и подхваченный новым порывом ветра, как раненая птица, сохранившая еще признаки жизни, скоро исчез в пространстве.

В корзине помещались пятеро, а между тем на берег выбросило только четверых.

Не хватало одного человека!

Вероятно, этого несчастного сшибло волной, и вот почему облегченный шар снова поднялся в послед-

¹ *Кабельтов* — морская мера длины, равная 185,2 м.

ний раз и таким образом через несколько минут очутился на берегу.

Едва четверо несчастных, потерпевших крушение, успели ступить на твердую землю, как ими овладела мысль о пропавшем товарище и они закричали:

— Он теперь плывет к берегу! Надо спасти его!
Они побежали к морю.

II

ОТВАЖНОЕ БЕГСТВО

Что же, наконец, это было за общество, состоявшее из пятерых пассажиров в маленькой корзине и выкинутое ураганом на какой-то неизвестный берег?

Это не были ни ученые-аэронавты, ни любители воздушных экспедиций, а пленники, бежавшие с невообразимой отвагой при самых страшных обстоятельствах. Тысячу раз они могли погибнуть. Прорвавшийся воздушный шар давно мог похоронить их в пучине океана...

Но судьба сохранила несчастных, и, бежав из Ричмонда, осажденного войсками генерала Гранта, они 20 марта очутились в семи тысячах миль от столицы Виргинии, главного укрепленного пункта южан во время страшной американской междоусобной войны¹. Это воздушное путешествие продолжалось пять дней.

Вот, между прочим, при каких обстоятельствах произошло бегство пленников.

¹ Имеется в виду Война Севера и Юга (отсюда — южане и северяне, федералисты) — Гражданская война 1861–1865 гг. в Северной Америке. Северяне боролись за освобождение негров, южане были сторонниками рабства. Война закончилась 26 мая 1865 г. победой северян.

В феврале 1865 года, во время одной из атак, тщетно предпринимавшихся генералом Грантом с целью завладеть Ричмондом, несколько офицеров попали во власть неприятеля и были задержаны в городе. Один из самых замечательных людей, состоявших при главном штабе федералистов, тоже очутился в плену. Его звали Сайрес Смит.

Родом из Массачусетса, он был инженер, весьма сведущий человек, которому правительство Соединенных Штатов поручило провести железную дорогу, имевшую важное значение во время междоусобной войны. Смит представлял тип американца Севера: он был костлявый, поджарый, лет около сорока; его седеющие волосы были коротко острижены, бороды он не носил, оставляя только густые усы. Голова Смита напоминала одну из тех красивых «нумизматических» голов, которые словно для того и существуют, чтобы делать с их изображений оттиски на медалях; глаза у него смотрели живо, но улыбка редко трогала его губы. Смит принадлежал к числу тех инженеров, которые открывают свое поприще с молотом и с заступом в руках. В этом человеке изобретательность ума сочеталась с умелыми руками. Мускулы его выказывали удивительные признаки физической силы. Смит был столько же человек дела, сколько человек мысли; он всегда действовал свободно, отважно, не страшась препятствий и не опасаясь неудач. При своем образовании и опытности он никогда не унывал; ни при каких обстоятельствах не терялся; всегда и везде сохранял твердость духа, пылкость желаний и могущество воли. Девизом этого человека могли бы быть слова Вильгельма Оранского: «Мне не надо надеяться, для того чтобы предпринимать; не надо успеха, чтобы быть настойчивым».

Вместе с этим Смит был олицетворенное мужество и отвага. Он участвовал во всех сражениях этой жестокой междоусобной войны. Начав под командой Гранта в качестве добровольца, он дрался при Падыюке, Белмонте, Питсбург-Лендинге, при осаде Коринфа, при Порт-Гибсоне, Блэк-Ривер, Чаттануге, Уайлдернессе, на Потوماке — словом, всюду и с одинаковой храбростью.

Это был солдат, достойный генерала, отвечавшего на вопрос о людских потерях: «Я никогда не считаю своих убитых!»

Смит сотни раз мог попасть в число этих несчастных жертв, которых не считал жестокий Грант. Он охотно отправлялся во все сражения, но судьба ему покровительствовала, пока наконец он, весь израненный, не был захвачен на поле сражения при Ричмонде.

В один и тот же день со Смитом попал в руки южан и другой замечательный человек. Это был не кто иной, как почтенный Гедеон Спилетт, корреспондент всемирно известной газеты «Нью-Йорк геральд», которому поручено было следить за всеми военными передвижениями в северных армиях.

Спилетт принадлежал к разряду тех удивительных английских или американских репортеров, которые ни перед чем не останавливаются, когда дело идет о том, чтобы добыть какую-нибудь точную информацию и в самом скором времени передать ее в свою газету. Газеты Соединенных Штатов, в том числе и «Нью-Йорк геральд», представляют большую силу и имеют множество корреспондентов. В первом ряду их был Спилетт.

Спилетт — человек с большими достоинствами, отважный, способный, готовый, что называется, в огонь и в воду; постоянно следящий за событиями

целого мира, обрыскавший весь свет, солдат и артист, решительный во всяком деле; не обращавший внимания ни на усталость, ни на опасность, когда дело касалось новостей, годных для оживления газетных столбцов; жаждавший всего курьезного, неизвестного, невозможного; занимающийся беспрестанными поисками новых приключений и происшествий, — был один из тех неутомимых наблюдателей, которые описывают виденное под градом пуль и картечи, составляют статьи под ударами ядер и которым всякая опасность — истинное счастье.

Он участвовал во всех сражениях в первых рядах, с револьвером в одной руке, с записной книжкой — в другой, и осколки бомб не заставляли дрожать его карандаш. Он не отягощал телеграфные провода бесконечными депешами, как то делают многие корреспонденты, когда им говорить совершенно не о чем, но каждое его замечание — краткое, точное, ясное — отлично уясняло общий ход какого бы то ни было события. Иногда он отпускал удачные остроты. В находчивости у него тоже не было недостатка. Например, после боя при Блэк-Ривер, желая во что бы то ни стало удержать за собой место у окошка телеграфного бюро, чтобы вовремя сообщить своей газете сведения о результате сражения, он в продолжение двух часов телеграфировал первые главы *Библии*. Это, разумеется, обошлось газете в две тысячи долларов, зато она первой узнала об исходе битвы.

Спилетт был высокого роста. Ему было не более сорока лет. Белокурые, с рыжеватым отливом баки обрамляли его лицо. Глаза у него были живые и зоркие — глаза человека, привыкшего сразу оценивать подробности окружающей действительности. Он отличался крепким сложением и закалился в разных

климатических условиях, как кусок раскаленной стали в холодной воде.

Спилетт целых десять лет неумоимо исполнял обязанности корреспондента «Нью-Йорк геральд», которую он обогатил и своими хрониками, и своими рисунками, потому что этот человек так же хорошо владел карандашом, как и пером. В ту минуту, как его захватили в плен, он на ходу описывал происходившее сражение. Последняя фраза в его записной книжке была такая: «Южанин в меня прицеливается... и...» Но южанин промахнулся, Спилетт остался цел и, по своему обыкновению, выпутался из беды, не получив ни малейшей царапины.

Смит и Спилетт, до сих пор знавшие друг друга только понаслышке, оба были доставлены в Ричмонд. Инженер скоро оправился от своей раны и во время выздоровления познакомился с корреспондентом. Эти два человека понравились друг другу и подружились. Скоро у обоих явилась мысль бежать, присоединиться к армии Гранта и сражаться в его рядах за федеральное единство.

Американцы решили воспользоваться первой благоприятной минутой.

Но хотя в самом городе они и пользовались совершенной свободой, Ричмонд так строго охранялся, что бегство казалось почти невозможным.

Между тем к Смиту явился в Ричмонд его слуга, готовый идти за своим господином и в ад, и в рай. Это был негр, родившийся в поместье инженера от рабов, но Смит, отрицавший рабство, уже давно отпустил его на волю. Раб, получив свободу, не захотел покинуть своего господина и был ему так предан, что не задумался бы пожертвовать для него жизнью. Это был парень тридцати лет, здоровый, ловкий, проворный, смывленный, кроткий, иногда наивный, все-

гда веселый, услужливый и добрый. Он назывался Навуходоносором¹, но все звали его Набом, и он так привык к своей короткой кличке, что на нее только и откликался.

Когда Наб услышал, что господин его очутился в плену, он, недолго думая, бросил Массачусетс, приехал к Ричмонду и благодаря всевозможным проискам и хитростям, двадцать раз подвергаясь опасности лишиться жизни, пробрался наконец в осажденный город.

Невозможно описать то удовольствие, с каким Смит встретил своего верного слугу, и радость Наба при виде своего любимого господина.

Но Наб, очутившись в Ричмонде, скоро увидел, что выйти из него несравненно труднее, чем войти, потому что пленники находились под строжайшим надзором. Надо было ждать какого-нибудь необычайного случая, чтобы попытаться бежать, но такой случай трудно было предвидеть.

Между тем Грант продолжал решительные военные действия.

Взятие Питерсберга стоило ему очень дорого. Военные силы генерала, увеличенные войсками Бутлера, без всякого успеха стояли под Ричмондом, и ничто еще не предвещало скорого освобождения пленных. Американский корреспондент, которому скучная и однообразная неволя не доставляла никаких интересных новостей для вписывания в памятную книжку, умирал от тоски и был готов на все, чтобы только выбраться из ненавистного города. Он несколько раз пытался бежать, но безуспешно.

¹ Католические и в особенности протестантские священники в Соединенных Штатах любили давать библейские имена детям рабов, принявших христианство.

Осада продолжалась, и, в то время как пленники измышляли различные средства, как бы бежать и присоединиться к войскам Гранта, некоторые из осажденных, в свою очередь, хотели выйти из города и примкнуть к действующей армии южан. К числу таких принадлежал и ярый южанин Джонатан Форстер. Дело в том, что если пленники не могли покинуть город, то южане и подавно не имели возможности сделать этого, потому что их кругом обступала северная армия. Ричмондский губернатор уже довольно долго не мог никак связаться с главнокомандующим Ли, а между тем необходимо было дать знать о положении города и тем ускорить движение вспомогательной армии. В таких стесненных обстоятельствах Джонатану Форстеру пришла в голову остроумная мысль — подняться на воздушном шаре, перелететь осадную линию и таким образом пробраться к армии южан.

Губернатор разрешил сделать эту попытку. Аэростат скоро был построен и отдан в распоряжение Форстера, которого должны были сопровождать еще пять человек. Все они запаслись оружием на случай, если придется защищаться, спустившись на землю, и провизией, предполагая, что воздушное путешествие продлится несколько дней.

Отлет был назначен на 18 марта. Аэронавты намеревались отправиться ночью и при умеренном северо-западном ветре рассчитывали за несколько часов добраться до лагеря генерала Ли.

Но северо-западный ветер задувал все сильнее и сильнее, и с 18-го числа уже можно было заметить, что он переходит в ураган. Наконец поднялась такая буря, что отлет Форстера был отменен; начальство решило, что невозможно рисковать аэростатом

и людьми, которые намеревались пуститься в это воздушное путешествие.

Шар, надутый и привязанный на самом высоком месте Ричмонда, был приготовлен к отправлению при первых признаках наступления тихой погоды, и весь город с большим нетерпением ожидал, когда утихнет буря.

18 и 19 марта буря не только не успокоилась, но, напротив, с каждым часом становилась свирепее. Воздушный шар, привязанный толстыми веревками, поминутно мог сорваться, так его мотало во все стороны.

Ночь с 19 на 20 марта прошла без малейших признаков перемены к лучшему; к утру ураган расшвырял пущу прежнего. Об отлете нечего было и думать.

В этот самый день Смит повстречался на одной из улиц Ричмонда с человеком, которого он до этого времени ни разу не видел. Это был моряк Пенкроф, мужчина тридцати или сорока лет, здоровый, очень загорелый, с живыми и беспрестанно мигающими глазами, но с чрезвычайно добрым выражением лица. Пенкроф был северный американец, избородивший на своем веку все моря земного шара. Во время своих многочисленных путешествий он испытал немало необыкновенных приключений, какие только могли выпасть на долю существа на двух ногах и без перьев. Бесполезно прибавлять к характеристике моряка, что он был предприимчивый мальч, готовый отважиться на что угодно, — человек, который давно потерял способность чему бы то ни было удивляться.

Пенкроф в начале 1865 года прибыл по делам из Нью-Джерси в Ричмонд вместе с мальчиком пятнадцати лет, Гербертом Брауном, сыном своего капитана, — сиротой, которого он любил как родного. Так

как Пенкроф не успел выехать из Ричмонда раньше первых военных действий, то он, к великому своему огорчению, тоже был задержан и так же думал лишь о том, как бы поскорее бежать из города. Моряк немало слышал об инженере Смите; он знал, как жаждал этот отважный человек освободиться из плена. Пенкроф смело подошел к инженеру и, не отрекомендовавшись, прямо сказал ему:

— Господин Смит, достаточно ли надоел вам Ричмонд?

Инженер пристально поглядел на незнакомца. Пенкроф, не дождавшись ответа, прибавил вполголоса:

— Не хотите ли бежать?

— Когда? Как?.. — быстро спросил инженер, и можно было с уверенностью сказать, что этот вопрос вырвался у него совершенно нечаянно, так как он еще не знал, к какой партии принадлежит неизвестный.

Но, пристально поглядев на открытое лицо моряка, он перестал сомневаться, точно ли перед ним честный человек.

— Кто вы? — спросил отрывисто инженер.

Моряк отрекомендовался.

— Ну, — ответил Смит, — каким же способом вы предполагаете бежать?

— А вот на этом шаре, который даром болтается на площади и который словно поджидает нас!..

Пенкрофу не нужно было объяснять далее. Инженер с первого слова все понял. Он схватил моряка за руку и потащил к себе.

Тут Пенкроф объяснил свой, в сущности, очень простой план. Чтобы привести его в исполнение, надо было рискнуть только... жизнью. Ураган, правда, свирепствовал в полную силу, но такой искусный

и отважный инженер, как Смит, хорошо сумел бы повести аэростат. Что касается Пенкрофа, то он, ни сколько не колеблясь, отправился бы в это воздушное путешествие — разумеется, вместе с Гербертом. Моряк видал на своем веку не такие бури и умел с ними справляться.

Смит слушал Пенкрофа, не произнося ни единого слова, но глаза его блеснули. Случай к бегству представился, и инженер был не из тех, кто мог бы этот случай упустить. Проект моряка был очень опасен, но все-таки исполним. Невзирая на строгий надзор, ночью можно было подойти к шару, тихонько забраться в корзину, а затем — обрезать веревки, которыми он был привязан. Конечно, их могли убить, но ведь этого наверняка сказать нельзя — есть шансы и на успех, и если бы не эта буря... Но без нее шар давно бы уже улетел и не представилось бы возможности бежать...

— Но я здесь не один!.. — сказал Смит.

— Сколько же человек вы хотели бы взять с собой? — спросил моряк.

— Двоих: моего друга Спилетта и слугу Наба.

— Трех, — ответил Пенкроф, — а с Гербертом и со мной — пятерых. Шар должен был поднять шестерых...

— Итак, решено. Мы отправимся, — решил Смит.

В это «мы» заочно включался и американский корреспондент, но Спилетт, как мы уже сказали, был не из тех, кто отступает, и, когда ему сообщили проект моряка, он его беспрекословно одобрил. Он даже очень удивлялся, как это ему уже давно не пришла в голову такая простая мысль — улететь на шаре южан.

Что касается Наба, то верный слуга хотя и не привык к воздушным путешествиям, но всюду следовал за своим господином.

— Сегодня вечером, — сказал Пенкроф, — мы все пятеро, не показывая ни малейшего вида, будем шататься по площади... так, будто любопытства ради!

— Вечером, в десять часов, — ответил Смит. — Дай только бог, чтобы буря не стихла раньше нашего отлета...

Пенкроф, простясь со Смитом и Спилеттом, вернулся к себе на квартиру, где оставался юный Герберт.

Смелый мальчик знал уже о замысле моряка и не без тревоги ждал результата его свидания с инженером.

Ураган не стихал. Ни Джонатан Форстер, ни его товарищи не могли и думать об отлете в слабенькой корзине в такую страшную погоду. День был ужасный: яростные порывы бури с каждым часом усиливались.

Инженер только одного боялся: чтобы аэростат, привязанный к земле и мотающийся во все стороны, не разорвался на тысячу мелких кусков. В продолжение нескольких часов он бродил взад и вперед по совершенно пустой площади, наблюдая за каждым движением шара. Пенкроф, заложив руки в карманы и мучительно зевая, как человек, совершенно не знающий, каким образом убить скуку, тоже посматривал на шар, опасаясь, что вот-вот он сорвется и уйдет один гулять в бушевавшей атмосфере.

Наступил вечер. Ночь была очень темная. Густой туман двигался вровень с поверхностью земли. Вперемежку падал то снег, то дождь. Погода стояла очень холодная. Над Ричмондом как будто повисла давящая мгла. Жестокая буря, казалось, вынудила к перемирию между осаждавшими и осажденными: пушечный гром замолк при страшных раскатах урагана.

Городские улицы совсем опустели. В такую ужасную погоду не было никакой нужды сторожить аэро-

стат и охранять площадь, посреди которой он бился и рвался во все стороны.

Очевидно, все благоприятствовало бегству пленников; но страшно было подумать об этом воздушном путешествии во время урагана...

— Тьфу ты пропасть, как задувает! — сказал Пенкроф, прижимая рукой шляпу, когда сильный порыв ветра хотел сорвать ее с головы. — Ну да что ж! Будет и урагану когда-нибудь конец!

В половине десятого Смит и его товарищи с разных концов пробрались на площадь, где газовые фонари погасли от сильного ветра, и пятеро пленных очутились в совершенной темноте. Трудно было разглядеть даже громадный привязанный аэростат, совсем прибитый к земле. Концы веревок, висевших от сетки, были закреплены у мешков с балластом, и, кроме того, корзина оказалась привязанной толстым канатом, который был продет в кольцо, забитое в булыжник мостовой.

Беглецы сошлись у корзины. Их никто не видел, но темнота была такая, что и они с трудом могли разглядеть друг друга.

Смит, Спилетт, Наб и Герберт, не говоря ни слова, разместились в маленькой корзине, а Пенкроф по приказанию инженера поспешно отвязывал мешки с балластом.

В несколько минут он кончил работу и тоже сел.

Аэростат держался теперь на одном канате, и все ждали последнего приказа Смита.

В эту самую минуту собака одним сильным прыжком вскочила в корзину.

То был Топ, собака инженера, которая, сорвавшись с цепи, кинулась за своим хозяином.

Смит, боясь, что шар может не поднять шестерых, хотел столкнуть ее на землю.

— Эге! Одним пассажиром больше! Ну, не беда! — сказал моряк, выкидывая из корзины два мешка с песком.

Затем Пенкроф отвязал последний канат, и шар, увлекаемый вначале по кривой линии, со страшной силой рванулся, задев, разрушил две домовые трубы и скоро пропал из виду.

Ураган бушевал со всей силой. Смит не мог и думать о том, чтобы спуститься ночью. С наступлением дня за густыми облаками тумана нельзя было разглядеть ни малейших признаков земли. Только через пять дней после отправления, когда ураган начал понемногу стихать, беглецы увидели под ногами безграничное море.

Читатель уже знает, как из пяти человек, отправлявшихся в ночь на 20 марта, четверо были выброшены 24 марта на какой-то пустынный берег, в шести тысячах миль от Ричмонда¹. И тот, кого не было, тот, кого четверо спасенных должны были прежде всего найти, был Сайрес Смит.

III

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ СМИТА

Смит, под которым оборвались петли сетки, охватывавшей аэростат, был смыт волной. Его собаки тоже не было. Верное животное добровольно кинулось в воду на помощь хозяину.

— Вперед! — крикнул Гедеон Спилетт.

И все четверо, несмотря на усталость, начали поиски.

¹ 5 апреля генерал Грант взял Ричмонд. Армия южан была побеждена. Ли отступил к западу, и американское единство восторжествовало.

Бедняга Наб при мысли потерять того, кто был ему дороже всех на свете, плакал от бешенства и отчаяния.

Между тем моментом, когда Смит исчез, и тем, когда его товарищи были выкинуты на твердую землю, не прошло больше двух минут. Таким образом, они еще могли надеяться вовремя прийти ему на помощь.

— Искать! Искать! — кричал Наб.

— Да, Наб, — отвечал Геденон Спилетт, — и мы найдем его!

— Живого?

— Живого!

— Он умеет плавать? — спросил Пенкроф.

— Да! — ответил Наб.

— Кроме того, с ним Топ!..

Моряк, прислушиваясь к реву морских волн, только покачивал головой.

Инженер пропал к северу от берега, на расстоянии около полумили от того места, куда выкинуло его товарищей. Если бы он мог добраться до ближайшего берегового пункта, ему бы нужно было проплыть самое большее полмили.

Было уже около шести вечера. Поднялся густой туман; наступившая ночь была очень темна. Потерпевшие крушение шли вперед, направляясь по северному берегу совершенно неизвестной земли. Они с трудом передвигали ноги по песчаной, усеянной камнями почве, лишенной, казалось, всякой растительности. Почва — неровная, сильно изрытая — местами была усеяна небольшими ямами, которые очень утомляли путешественников. Из каждой ямы то и дело вылетали большие птицы и, устремляясь в разные стороны, пропадали в темноте. Другие, более проворные на лету, поднимались целыми стаями и проноси-

лись, словно тучи. Моряк по крикам догадался, что это были чайки и поморники. Пронзительные крики птиц смешивались с ужасным ревом бушующего моря.

Время от времени несчастные останавливались, громко кричали и прислушивались, не ответит ли кто.

Они рассчитывали, что, подойдя ближе к тому месту, где пропал инженер, они смогут услышать лай Топа, на случай если бы сам Смит был не в состоянии подать голос.

Но ничего не было слышно, кроме шума морских валов и безуданного клокотания прибора.

Маленький отряд снова двинулся дальше, исследуя извилины побережья.

Пройдя таким образом минут двадцать, путешественники должны были остановиться, увидав перед собой белые гребни пенившихся волн. Дальше земли не было. Они очутились на оконечности острого мыса, через который валы перекатывались с ужасным ревом.

— Это мыс, — сказал моряк. — Надо вернуться назад, но держась правой стороны, — тогда мы придем на настоящую землю.

— А если он там! — возразил Наб, показывая на пенившиеся в темноте волны.

— Ну, покричим еще, может, он услышит!

И все в один голос стали громко кричать.

Никто не отвечал.

Они подождали временного затишья и снова начали звать.

Снова никакого ответа.

Тогда они направились обратно, в противоположную от мыса сторону, по совершенно такой же песчаной и каменистой почве.

Пенкроф заметил, что берег чем дальше, тем становится круче, и что почва поднимается, и ему казалось, что утес, на котором они теперь находились, должен был соединяться длинной полосой земли с высоким побережьем, неясно видневшимся в темноте.

Птицы реже попадались на этой части берега. Море уже не так волновалось, не так шумело, и даже можно было видеть, что движение валов в этой части океана заметно уменьшалось. Тут почти не слышно было прибоя морских волн.

Моряк по всем этим признакам заключил, что берег, начиная от мыса, образует род небольшой полукруглой бухты, которая была защищена выдававшимся мысом со стороны открытого моря.

Но, следуя в этом направлении, путешественники двигались к югу, то есть в противоположную сторону от той части берега, куда мог бы добраться Смит. Они прошли уже полторы мили, а на побережье все еще не было видно никакого поворота, который направил бы их на север. Путешественники, несмотря на всю усталость и изнеможение, шли по изрытой почве с таким же мужеством, каждую минуту надеясь, что вот-вот они наткнутся на этот желанный крутой поворот к северу.

Каково же было их отчаяние, когда, пройдя около двух миль, они снова были задержаны морем, очутившись на каком-то высоком мысе, образуемом крутыми скользкими скалами.

— Мы, господа, на острове! — сказал Пенкроф. — И прошагали его с одного конца в другой!

Замечание моряка было справедливо. Они были выброшены не на материк и даже не на остров, а на небольшой островок, который в длину имел не больше двух миль и ширина которого тоже, по-видимому, была не очень велика.

Принадлежал ли этот пустынный, усеянный камнями, без всяких признаков растительности островок к какому-нибудь большому архипелагу или только предоставлял убежище стаям морских птиц?

Трудно было решить.

Путешественники, стоя на сравнительно небольшом возвышении и глядя на все окружающее сквозь облака густого тумана, не могли сказать почти ничего определенного насчет положения острова. Однако Пенкрофу, привыкшему на море рассматривать предметы в самые темные ночи, казалось, что на западе возвышается какая-то темная, неясная масса, которую он принимал за высокий берег материка или большого острова.

Но при господствовавшей темноте невозможно было решить наверное, что это за остров. Покинуть островок тоже было нельзя, так как его со всех сторон окружало море.

Поиски инженера поневоле пришлось отложить до наступления утра.

— Молчание Смита еще ничего не доказывает, — говорил Спилетт. — Быть может, его выкинуло волной, он ушибся, впал в беспамятство и не в состоянии отвечать на все наши крики... Но мы не должны отчаиваться.

У Спилетта мелькнула мысль развести где-нибудь костер, который послужил бы инженеру сигналом. Но напрасно они все четверо искали дрова. На островке, кроме камней и песка, решительно ничего нельзя было найти.

Невозможно себе представить огорчение Наба и его товарищей.

Оставалось ждать рассвета. Инженер или спасся и уже находится где-нибудь на острове, или же он безвозвратно погиб в страшной пучине морских вод.

Долгими и мучительными показались им ночные часы. Погода стояла холодная. Потерпевшие воздушное крушение сильно продрогли в одеждах, насквозь промокших от морской воды.

Но никто из них не замечал этого холода. Никому целую ночь даже не приходило в голову присесть и отдохнуть. Побеждая усталость и не желая расстаться с надеждой отыскать любимого товарища, они ходили взад и вперед по пустынному островку, возвращаясь постоянно к той части северного побережья, которую они считали ближайшим местом последней катастрофы. Они с замиранием сердца прислушивались, кричали, снова прислушивались.

В атмосфере царил мертвая тишина; шумевшее море начинало понемногу успокаиваться, и голоса их должны были разноситься на далекое расстояние.

Один раз им показалось, что на крик Наба как будто откликнулись.

Герберт сказал Пенкрофу:

— Это эхо доказывает, что к западу, недалеко от нас, есть какая-то земля!

Моряк утвердительно кивнул. Глаза не могли обмануть его. Если он, Пенкроф, хорошо или худо мог увидеть землю или сколько-нибудь догадываться о ее существовании, это значило, что земля действительно была близко.

Отдаленное эхо было единственным ответом на все крики Наба; глубокая тишина господствовала на маленьком островке.

Между тем небо мало-помалу прояснялось. Около полуночи засверкали некоторые звезды, и, если бы Смит находился в эту минуту возле своих товарищей, он сейчас бы увидел, что звезды эти не принадлежали к созвездиям Северного полушария.

Полярная звезда не показывалась на этом новом горизонте; созвездия, сверкавшие в зените, были со-

всем не те, какие можно всегда наблюдать в северной части Нового Света; ярко сверкавшее на горизонте созвездие Южного Креста указывало, что путники находятся в Южном полушарии.

Ночь прошла. Около пяти утра, 25 марта, верхние слои атмосферы начали слегка оттеняться. На горизонте было еще темно. С первыми лучами солнца с моря поднялся такой непроницаемый туман, что нельзя было решительно ничего видеть в двадцати шагах. Туманные облака сбивались в огромные массы, которые тяжело передвигались над поверхностью моря.

Это было совсем некстати.

Наконец дождалось дня, но все-таки ничего не могли разглядеть вокруг себя.

Пенкроф и Герберт не сводили глаз с западной части горизонта, между тем как Наб и Спилетт с замирающим сердцем глядели на поверхность океана.

— Ничего не значит, что я не вижу берега, — сказал Пенкроф. — Я его чую... я чую, что он там... там... Это так же верно, как то, что мы теперь не в Ричмонде!

Туман скоро должен был подняться. Это предсказывало хорошую погоду. Солнце уже согревало верхние слои атмосферы, и его животворные лучи рассеивались по поверхности маленького островка.

Действительно, около половины седьмого, спустя три четверти часа после восхода солнца, туман начал становиться прозрачнее. Он поднимался с поверхности воды и скапливался вверху. Скоро весь островок словно вышел из облака; затем блеснуло и море, без конца простиравшееся на востоке, но на западе ограниченное довольно высоким и крутым берегом.

Да, там берег какой-то земли.

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая

ПОТЕРПЕВШИЕ КРУШЕНИЕ В ВОЗДУХЕ

I. Над пучиной	5
II. Отважное бегство.....	13
III. Исчезновение Смита.....	25
IV. Устройство жилища	35
V. Потеря огня	46
VI. Охота	56
VII. Инженер найден	65
VIII. Возвращение домой	76
IX. Где же мы?	86
X. На острове.....	99
XI. Крестины острова.....	111
XII. Серный источник	125
XIII. Гончарная печь	136
XIV. Положение острова определено.....	148
XV. Изготовление железа.....	159
XVI. Дюгонь	169
XVII. Взрыв.....	179
XVIII. Подземный дворец	190
XIX. Устройство дворца	201
XX. В ожидании хлеба.....	210
XXI. Первые морозы	219
XXII. Дробинка	229

Часть вторая
ПОКИНУТЫЙ

I. Исчезнувшая черепаха	244
II. Удивительная находка	254
III. Экспедиция на лодке	265
IV. Ягуар	275
V. Остатки аэростата	285
VI. Новый слуга	297
VII. Хозяйственные работы	308
VIII. Скотный двор	319
IX. Изготовление стекла	329
X. Постройка бота	340
XI. Вторая зима	350
XII. Послание	360
XIII. Остров Табор	371
XIV. Дикая человек	381
XV. Неизвестный	393
XVI. Первый хлеб	401
XVII. Тайна неизвестного	413
XVIII. Телеграф	423
XIX. Новая загадка	432
XX. Что открыла пластинка?	439

Часть третья
ТАЙНА ОСТРОВА

I. Черный флаг	450
II. Подвиг Айртон	459
III. Взрыв	470
IV. Таинственная мина	481
V. Батарея	491
VI. Выстрел	499

VII. В осаде	507
VIII. Герберт выздоравливает.....	515
IX. Тревожная весть.....	519
X. Между жизнью и смертью	527
XI. На поиски	534
XII. Освободились	544
XIII. Судья острова Линкольна	553
XIV. Пробуждение вулкана.....	564
XV. Телеграмма.....	573
XVI. Капитан Немо	587
XVII. Завещание капитана Немо.....	596
XVIII. Подземные силы	605
XIX. Огонь и вода	617
XX. Уцелевшая скала.....	630

Верн Ж.

В 35 Таинственный остров : роман / Жюль Верн ; пер. с фр. М. Вовчок. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. — 640 с. — (Азбука-классика).

ISBN 978-5-389-06804-9

Жюль Габриэль Верн — классик приключенческой литературы, «пионер современной французской научной фантастики» (Бернар Вербер), один из первых фантастов в мировой литературе вместе с англичанином Гербертом Уэллсом и американцем Эдгаром По.

В авантюрный сюжет предлагаемого читателю романа «Таинственный остров» вплетены буря, извержение вулкана, нападения пиратов, таинственный капитан Немо и, конечно, история выживания на клочке земли в океане: находчивые герои, выброшенные ураганом на необитаемый остров, сами варят сахар и выплавляют сталь, изготавливают кирпичи, шерсть, серную и азотную кислоту, нитроглицерин и динамит, конструируют телеграф и прядильную машину. Один из самых увлекательных романов Жюль Верна, «Таинственный остров» — захватывающая история приключений островитян, «пособие по выживанию», гимн человеческой отваге и силе воли.

УДК 821.133.1

ББК 84(4Фра)-44

Литературно-художественное издание

ЖЮЛЬ ВЕРН

ТАИНСТВЕННЫЙ ОСТРОВ

Художественный редактор Валерий Гореликов

Технический редактор Татьяна Раткевич

Компьютерная верстка Михаила Львова

Корректор Анастасия Келле-Пелле

Главный редактор Александр Жикаренцев

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

12+

Подписано в печать 29.06.2018. Формат издания 75 × 100^{1/32}.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 28,2. Заказ №

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»
143200, г. Можайск, ул. Мира, д. 93
 www.aoompk.ru, www.aoompk.ru
Тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах
на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

Y-AKB-14785-06-R